

Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 35–44.
Humanitarian and pedagogical Research, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 35–44.

Научная статья
УДК 94(470)“1910–1914”
doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-35-44

Численность и социально-экономическое положение рабочей молодежи горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг.

Юрий Дмитриевич Коробков

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия,
n.kyakkinen-56@yandex.ru

Аннотация. Изучение истории российского рабочего класса и обоснование его исторической миссии было ведущим трендом исторической науки в советский период. Между тем, отдельные сюжеты как на общероссийском, так и региональном уровнях до сих пор нуждаются в дополнительном изучении. К числу таких проблем в истории рабочего класса дореволюционного Урала относится вопрос о его численности в целом и отдельных его категорий, в частности. Очевидно, что выяснение роли социальных групп в историческом процессе как на локальном, так и на общенациональном уровне невозможно без выяснения данных параметров. С учетом особенностей дореволюционной статистики, которая не давала сведений о численности молодых рабочих железнодорожного транспорта, кустарной промышленности, строителей, автор ограничил свое исследование рамками горнозаводской и фабрично-заводской промышленности, которые являлись ведущими отраслями уральской экономики. Еще одной особенностью дореволюционной промышленной статистики являлось причисление к молодым рабочим лишь малолетних и подростков до 17 лет. Хотя это уводит из исследовательского поля значительную часть молодежи, возрастные рамки которой в данный период определялись в границах от 14 до 25 лет, объектом изучения является возрастная группа от 14 до 17 лет. В ходе исследования мы предприняли попытку определения численности горно- и фабрично-заводской молодежи в указанных возрастных рамках. В силу особенностей развития региональной экономики она оказалась выше общероссийских параметров, что предопределило более высокую степень эксплуатации труда подростков на уральских предприятиях.

Ключевые слова: Урал, горнозаводская зона, фабрично-заводская промышленность, труд, численность рабочей молодежи, социально-экономическое положение

Для цитирования: Коробков Ю. Д. Численность и социально-экономическое положение рабочей молодежи горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 35–44. doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-35-44.

Original article

The number and socio-economic situation of the working youth of the mining and factory industry of the Urals in 1910-1914.

Yuriy D. Korobkov

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, n.kyakkinen-56@yandex.ru

Abstract. The study of the history of the Russian working class and the justification of its historical mission was the leading trend of historical science in the Soviet period. Meanwhile, individual plots at both the national and regional levels still need additional study. Among such problems in the history of the working class of the pre-revolutionary Urals is the question of its size in general and its individual categories in particular. It is obvious that clarifying the role of social groups in the historical process both at the local and national levels is impossible without clarifying these parameters. Taking into account the peculiarities of pre-revolutionary statistics, which did not provide information on the number of young workers in the railway transport, handicraft industry, and builders, we limited our research to the mining and manufacturing industries, which were the leading sectors of the Ural economy. Another feature of pre-revolutionary industrial statistics was the classification of only minors and teenagers under 17 as young workers. Although this takes away from the research field a significant part of the youth, whose age range in this period was determined in the range from 14 to 25 years, the object of study is the age group from 14 to 17 years. In the course of the study, we attempted to determine the number of mining and factory youth in the specified age range. Due to the peculiarities of the development of the regional economy, it turned out to be higher than the all-Russian parameters, which

© Коробков Ю. Д., 2024

predetermined a higher degree of exploitation of adolescent labour at Ural enterprises.

Keywords: Ural, Mining zone, factory industry, labor, number of employees, working youth, socio-economic situation

For citation: Korobkov Yu. D. The number and socio-economic situation of the working youth of the mining and factory industry of the Urals in 1910–1914, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 35–44. (In Russ.). doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-35-44.

Введение

Увеличение численности рабочего класса России в годы промышленного подъема 1909–1913 гг. сопровождалось ростом удельного веса молодежи в составе пролетариата. В погоне за прибылью предприниматели стремились увеличить применение труда малолетних, подчас обходя существовавшие фабричные законы. Детский труд, как «дешевое средство понизить расценки, уменьшить заработную плату, сломить непокорность взрослых и сознательных рабочих» [1], широко применялся на предприятиях Российской империи. Это обстоятельство выдвигает проблему изучения социально-экономического положения пролетарской молодежи и ее удельного веса в составе рабочего класса как одну из важных задач, тем более что обобщающих сведений о численности молодых рабочих Урала в годы промышленного подъема 1909–1913 гг. до сих пор нет.

Одной из причин отсутствия однозначных данных о численности молодых рабочих на Урале является специфика историографической ситуации. И в советском, и в современном ураловедении нет общепризнанной цифры численности рабочих Урала: в «Очерках истории большевистских организаций Южного Урала» говорится, что численность рабочих в уральской промышленности к 1917 г. достигла 300 тыс. чел. [2, с. 362], по данным Ф. П. Быстрых она составляла 357 тыс. [3, с. 57;], авторы «Очерков истории коммунистических организаций Урала» указывают численность в 358,6 тыс. [4, с. 210]; Л. С. Гапоненко – 378,2 тыс. [5, с. 163]; В. В. Адамов – примерно 600–650 тыс. рабочих всех отраслей [6, с. 162]. М. А. Фельдман определяет численность в 302,4 тыс. чел. на состояние 1913 г. и только на предприятиях крупной промышленности Урала, к которой по статистике относились предприятия с числом рабочих не менее 16 при наличии механического двигателя и не менее 30 при его отсутствии) [7, с. 38]. Разночтения в определении общей численности ведут к разным оценкам половозрастных категорий уральских рабочих. Так, В. В. Адамов выделяет в составе уральского пролетариата 65,8 % взрослых рабочих. Д. В. Гаврилов, используя данные профессиональной переписи 1929 г., увеличивает эту цифру до 79 % [8, с. 88].

В работе Л. И. Лесковой была проанализирована динамика колебаний численности фабрично-заводских и горнозаводских рабочих в 1910–1914 гг. и сделан вывод о сопоставимых темпах роста рабочих ценовой промышленности России и Урала [9, с. 268]. Однако автор не подвергал анализу численность рабочей молодежи.

На недостаточную изученность возрастной структуры рабочего класса Урала указывали еще в 80-х гг. XX в. Н. К. Лисовский [10, с. 14] и Д. В. Гаврилов [11, с. 44]. И в настоящее время данная проблема нуждается в разработке.

Требуется дополнительное изучение и положение рабочей молодежи. В монографии Д. В. Гаврилова есть специальный раздел «Возраст и пол рабочих», но автор анализирует ситуацию рубежа XIX–XX века. [8, с. 77–98]. Имеющиеся материалы в монографиях М. А. Фельдмана, Д. В. Гаврилова либо фрагментарны, либо касаются других периодов. Данная особенность присуща и статьям Л. И. Лесковой [9], Л. В. Ольховой [12] и И. К. Рафикова [13], в которых положение рабочей молодежи в качестве самостоятельного объекта изучения не выбиралось.

Очевидно, что без глубокого изучения численности и состава рабочего класса Урала, его половозрастных категорий невозможно создание его научной истории и осмысления его роли в социально-экономическом и политическом развитии региона в начале XX века. Данными обстоятельствами обусловлен выбор темы данного исследования.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности. В работе применялись общенаучные методы познания (индукция и дедукция, анализ и

синтез, классификация объектов). Они позволили рассмотреть закономерности возникновения и развития процессов, установить их причинно-следственные связи.

Среди собственно исторических методов наибольшими разрешительными возможностями для нашего исследования обладают сравнительно-исторический и историко-системный методы. Первый позволяет выявить сходство и различия удельного веса и положения молодых рабочих отдельных категорий уральского рабочего класса и сравнить их с общероссийскими показателями. Системный метод позволил рассматривать положение и численность рабочей молодежи Урала в контексте социально-экономического и политического развития страны и особенностей «оригинального строя» уральской промышленности. Использование совокупности указанных методов дало возможность провести всесторонний анализ поставленной проблемы и сделать объективные выводы.

Результаты

1. Численность молодых рабочих в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг.

Помимо указанных выше факторов, затрудняющих установление численности рабочей молодежи в крае, можно назвать еще ряд причин рассматриваемой проблемы: отсутствие всероссийских переписей населения после 1897 г.; сознательное занижение числа подростков владельцами предприятий; полное отсутствие сведений о численности молодых рабочих железнодорожного транспорта, мелкой, кустарной промышленности, строителей, водников; многие заводоуправления горных заводов не указывали число своих лесных и коннорабочих. Эти обстоятельства не дают нам возможности определить численность всех категорий уральского пролетариата в полном объеме. Мы приводим данные о возрастном составе только двух, но ведущих отраслей промышленности Урала: горнозаводской и фабрично-заводской.

Следует, на наш взгляд, учитывать и точно оговорить возрастные границы молодежи. Вопрос этот не формален. Чрезмерное сужение понятия «молодежь» выводит за пределы анализа ее важные группы, а произвольное расширение приводит к размыванию или утрате их специфики. Для дореволюционного периода молодежный возраст можно установить в пределах от 14 до 25 лет: нижняя граница (14 лет) – это законодательно установленный возраст привлечения к работе); верхняя – достижение молодежью уровня социальной зрелости. Однако дореволюционная промышленная статистика причисляла к молодым рабочим лишь малолетних и подростков до 17 лет, остальные относились к категории взрослых рабочих. Поэтому, мы имеем возможность определить удельный вес именно этой группы молодежи в составе рабочих горнозаводской и обрабатывающей промышленности Урала. Данные о молодежи, занятой в фабрично-заводской промышленности Урала, в сопоставлении с общей численностью рабочих по годам с 1910 по 1914 гг. приведены в табл. 1.

Таблица 1 – Численность малолетних и подростков в фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг. [14, с. 68, 69, 78, 79, 88, 89]

Год	Общее число рабочих	Число малолетних и подростков	
		Абс.	%
1910	47896	5814	12,1
1911	46541	5610	12,0
1912	46607	5793	12,4
1913	48290	5999	12,4
1914	49561	6620	13,4

Таблица показывает рост общей численности рабочих данной отрасли. Причем, темпы роста числа подростков опережали прирост всех рабочих. Если количество рабочих в целом с 1910 по 1914 гг. выросло на 3,4 %, то число подростков – на 8,9 %. Указанная тенденция сходна с общероссийской [15, с. 18].

Степень использования труда малолетних и подростков в фабрично-заводской промышленности Урала была несколько выше, чем в целом по стране. Так, в 1911 г. доля малолетних и подростков

в обрабатывающей промышленности России составила, по тем же источникам, 8 % [15, с. 18]. Причина заключается в преобладании на Урале средних и мелких предприятий, владельцы которых значительно чаще использовали детский труд.

При определении численности молодежи в горнозаводской промышленности необходимо учитывать особенности горнозаводской статистики. Обычно историки опираются на Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России, Своды министерства финансов и материалы по статистике несчастных случаев, которые собирались на Урале в 1911–1913 гг. Методика сбора данных в них отличается. Сборники давали сведения только за 1890–1911 гг. и включали как основных, так и вспомогательных рабочих. В остальных изданиях сведения о конных и лесных рабочих отсутствуют. К тому же, в Сводах нет половозрастной структуры рабочего класса. Поэтому, в основу определения численности молодежи в горнозаводской промышленности положены материалы по статистике несчастных случаев и данные специального учета численности, состава и положения рабочих, проводившегося в 1911–1913 гг. Обследование охватывало всю горную промышленность края, однако ряд предприятий сведений не представил. Кроме того, не учитывались лесные и куренные рабочие.

Таблица 2 – Численность малолетних и подростков в горнозаводской промышленности Урала в 1910–1912 гг. [16, л. 43; 17, л. 222–224] (лесные и куренные рабочие не учтены)

Годы	Общее число рабочих	Число подростков и малолетних	
		Абс.	%
1911	181701	12533	7
1912	191741	15190	8

Более низкий уровень занятости подростков в горнозаводской промышленности по сравнению с фабрично-заводской объясняется как спецификой данного производства, так и наличием избыточной рабочей силы, скрытой и явной безработицей, которая ограничивала доступ подростков на предприятия. Неслучайно одной из особенностей производственной повседневности на горных заводах Урала была традиция «гулевых» смен. В 1897 г., например, они были на 60 из 80 заводов Пермской губернии [18, с. 52]. Это объяснялось замедленными темпами развития уральской горнозаводской промышленности в пореформенный период, в силу чего прирост населения обгонял спрос на рабочую силу. Ситуация усугублялась закрытием массы нерентабельных предприятий. Замкнутость и оторванность Урала от других промышленных центров и прикрепление к заводам затрудняли миграцию рабочих. На тех же предприятиях, которые были созданы позднее, а также в мелком горном производстве труд подростков применялся значительно шире [19, с. 142–143].

Степень участия подростков и малолетних в горнозаводском производстве Урала была несколько выше общероссийской, которая в 1913 г. составила 6,6 % [15, с. 18]. Сказалась низкая техническая оснащенность уральских горных заводов, значительная доля подсобных, вспомогательных работ, на которых в основном применялся труд юных рабочих.

Суммарные данные о числе молодых рабочих в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности в 1911–1912 гг. показывает табл. 3.

Таблица 3 – Численность малолетних и подростков в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1911–1912 гг.

Год	Общее число рабочих	Число малолетних и подростков	
		абс.	%
1911	228242	18148	8
1912	238348	20983	9

В силу указанных выше обстоятельств эти цифры не претендуют на абсолютную точность. Они показывают лишь приблизительную картину занятости подростков и тенденцию ее развития.

2. Социально-экономическое положение рабочей молодежи горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг.

По оценке В. В. Адамова, промышленность Урала, в сравнении с другими регионами страны, отличали более тяжелые условия труда и более низкая заработная плата местных рабочих [16, с. 146]. Это являлось следствием низкой технической оснащенности предприятий, преобладания ручного труда, наличия у рабочих личного хозяйства, патриархального характера трудовых отношений и огромной зависимости рабочих от своих заводов.

По свидетельству доктора Рума, особенно тяжелые условия труда в горнозаводской промышленности существовали на пудлинговых печах. Уже спустя несколько минут после начала работы рабочий «обливался потом, лицо его становилось красным, глаза наливались кровью. При этом учащение пульса доходило до 160 ударов, а температура тела достигала 38, нередко и 39 градусов Цельсия» [20]. По воспоминаниям В. А. Чащина, рабочий мартеновского цеха Надеждинского завода «ничем не был защищен от жара, и часто одежда на нем начинала дымиться и тлеть, а кожа на руках и на лице запекалась, как у яблока» [21, с. 45]. В корреспонденции, присланной из Миньярского завода сообщалось, что рабочие в огневых цехах «от угара и жары падают в обморок» [22]. При этом, как вспоминал М. Н. Коковихин, «защитных приспособлений не было. Молодые рабочие защищали свои лица с помощью намоченных в воде платков, которые уменьшали влияние палящей струи на лицо» [23, с. 30].

Дети и подростки в горнозаводской промышленности использовались в основном на подсобных работах: подручными у станков, при печах, при чистке котлов и дымоходов, на подноске и подвозке различных металлов. Условия их труда подчас были тяжелее, чем у взрослых.

Типичную картину изнурительного труда детей на заводах Богословского горного округа рисует в своих воспоминаниях старый уральский рабочий В. А. Чащин, с 12 лет работавший на очистке от накипи паровых котлов: «Спускали нас пятерых малышей в душную тьму. Мы зажигали сальные свечи и начинали долбить молотками стенки котла, откалывая накипь. Рядом с нами действовал второй, параллельный нашему котел, поэтому жара внутри нашего котла была такая, что приходилось работать без рубашек, обливаясь потом. Притока свежего воздуха не было, и мы начинали задыхаться в этой нестерпимой жаре и духоте. Вечером мы шли домой едва живые, вялые и обессиленные, с тяжелой головной болью» [21, с. 39]. Такую же ситуацию на Нязепетровском заводе описывал рабочий А. В. Бархатов, поступивший в ученики 14-летним подростком с зарплатой 5 копеек в день: «В прокатных цехах нестерпимая жара, угольная пыль, грохот станов и молотов создавали для рабочих поистине адскую обстановку». В огнеупорном цехе не было никакой вентиляции, «в воздухе стояла густая едкая пыль. Она разъедала легкие, уже через короткое время пребывания на такой работе многие заболевали» [24, с. 18].

В лудильном цехе Лысьвенского завода, где работало много молодежи, по воспоминаниям рабочего Л. Л. Лазарева, «весь воздух был настолько насыщен известью-пушонкой, что рабочий не видел своего соседа, и у всех рабочих этого цеха были сильно разъедены нос, губы, рот» [25, с. 24].

Жесточайшая эксплуатация детского труда была типичным явлением и для фабрично-заводской промышленности края. На одной из самых тяжелых видов работ в качестве машинистов использовались подростки на механическом заводе Балакшина в Кунгуре. «Труд этот поистине адский и нужно лично пожариться у топки, чтобы дать ему определение адского труда», – такое впечатление от посещения предприятия вынес репортер газеты [26]. Чрезвычайно тяжелыми были условия труда и на Бондюжском химическом заводе, где «в большинстве уже к 30 годам рабочий становится совершенно разбитым и неспособным к труду и выбрасывается за борт» [27].

Домом калечения детей, рассадником болезней, главным образом чахотки, называл журнал «Заря Поволжья» чаеразвесочную фабрику общества «Караван» в Уфе [28, с. 11]. Подобные предприятия отличались особенно тяжелыми условиями труда. Поступая на работу, как правило в 12–13 лет, подростки к 18–19 годам в «награду» за каторжный труд получали чахотку [28, с. 11]. «Первое, что вас поразит, – отмечалось в корреспонденции газеты «Голос Приуралья», рассказывавшей о положении рабочих чаеразвесочной фабрики Губкина-Кузнецова в Челябинске, – это мелкая чайная пыль и спертый воздух. От них высыхают легкие рабочих. Затем, самые условия труда – это быстрые механические, однообразные движения рук по завертыванию чайных четвертушек – требуют от рабочего большого напряжения и адского терпения. Работают здесь большинство мальчиков от

12–16 лет. От непрерывного трения из оконечностей их пальцев струится кровь, подзатыльники и затрецины – обычное явление. Крики и площадная брань по адресу мальчиков – и за обиду не считается» [29]. Следствием этих страшных условий труда была высокая смертность. На фабрике в 1910 г. умерло от чахотки девять молодых рабочих, весной следующего года – еще четверо.

Широко применялся труд подростков в типографиях. Отсутствие фабричной инспекции усиливало произвол хозяев. Условия труда здесь были ниже всех допустимых норм. В типографии «Энергия» в Троицке, например, как отмечал корреспондент, «недостаток света и воздуха, сырость и грязь губительным образом сказываются на здоровье рабочих, вентиляция отсутствует; зловоние от варки клея и от керосинок сильно дает себя чувствовать; все рабочие сгруппированы в трех небольших комнатах; полы моются крайне редко; пыль носится целыми клубами. В типографии сильно развит труд детей <...> Все они работают наравне со взрослыми наборщиками, кроме того, зачастую оставляются и на вечерние сверхурочные работы» [30]. Труд малолетних жестоко эксплуатировался также в типографиях газет «Уральская жизнь», «Уральский край» и других подобных заведениях [31].

Абсолютно бесправными были ученики, подмастерья многочисленных мелких мастерских. Их обучение в основном сводилось к помощи хозяйкам на кухне, службе на посылках и получению «выволочек». В мастерских дамских нарядов Ведерниковой в Челябинске, как отмечала пресса, учениц «вместо обучения заставляют с утра до вечера исполнять черную работу, обращаются как с животными» [32]. В таком же положении находились ученики и подмастерья сапожных мастерских.

Использование труда подростков на тяжелых работах при отсутствии элементарных средств охраны труда приводило к высокой степени молодежного травматизма. По неполным данным, на предприятиях фабрично-заводской промышленности Вятской губернии в 1914 г. произошло 95 несчастных случаев, 32 из них (33,7 %) приходились на долю рабочих в возрасте от 12 до 18 лет [33]. В 1911–1915 гг. на долю рабочей молодежи (до 21 года) Лысьвенского металлургического завода приходилось от 28 % до 35 % всех несчастных случаев [34]. На золотоплатиновых приисках Пермского горного округа в 1916 г. уровень детского травматизма составлял 27 % [35].

При этом принятый Государственной думой в 1912 г. закон о страховании от несчастных случаев и по болезни свое действие на подростков не распространял. Кроме того, преследуя свои корыстные цели, владельцы предприятий стремились обходить страховые законы применительно к вспомогательным рабочим.

Рабочий день юных рабочих был такой же продолжительности, что и у взрослых – 10-11 часов в сутки. На Ижевском заводе, например, до 1910 г. ученики работали по 10,5 часа. На подсобных работах в Надеждинском заводе подростки работали с шести часов утра до шести часов вечера. В праздники и выходные они трудились с шести часов утра до двух часов без перерыва [21, с. 44]. Кроме того, подростки систематически оставлялись на сверхурочные работы, трудились порой больше, чем взрослые. На многих мелких предприятиях рабочий день подростка вообще был неограничен. Более того, фабрикантами предпринимались многочисленные попытки обойти закон, запрещавший работу подростков в выходные и праздники. Так, владелица стекольного завода в Вятской губернии Юрасова просила у губернатора разрешения на использование труда 12-15-летних рабочих в выходные и праздничные дни. Свою просьбу она мотивировала тем, что «в поселке нет церкви и школы, и молодежь не может удовлетворить свои духовные потребности и время проводит праздно» [36, с. 7].

Приравнивая во всех отношениях труд подростков к труду взрослых рабочих, предприниматели делали для них «исключение» в оплате труда. На Нижне-Тагильских заводах средненедельный заработок рабочего составил в 1912 г. 5–6 руб., подростков – 2–3 руб. при одинаковой продолжительности рабочего дня [37]. Среднеподоенная заработная плата на Надеждинском заводе в 1908–1913 гг. была 1,02 руб. – 1,16 руб., у подростков – 0,42–0,5 руб. [38, с. 141]. В августе 1914 г. на Алафузовской суконной фабрике подростки получали 12 копеек за 12-часовой рабочий день [39, с. 22]. По воспоминаниям И. М. Мызгина, молодых чернорабочих Симского завода часто посылали на железнодорожную станцию на погрузку металла и выгрузку руды. Норму на эту «адскую» работу установили одинаковую со взрослыми рабочими, а платили вдвое меньше [40, с. 12–13].

Широко практиковавшимся способом снижения и без того низких расценок для юных рабочих было ученичество. Типичный пример такой формы приобретения специальности на уральских заводах приводит старый большевик И. И. Колыбалов: «1-й год использовали на топке печей и обслужи-

вани рабочих (на побегушках). 2-й год в качестве мотора, то есть заставляли вертеть маховик, приводящий в движение станок, всего за 5 копеек в день. 3-й и 4-й год работал подручным на строгальном станке в литейном цехе за 15 копеек в день» [41, л. 3]. В условиях острой нехватки ремесленных школ на Урале стремление заводчиков законсервировать ученичество как дополнительный источник доходов, продажа подростками своего труда за бесценок были характерны для всей уральской промышленности. Как правило, подростки начинали работать мальчишками на побегушках и первые несколько месяцев трудились бесплатно [42, с. 10].

Низкий уровень жизни, антисанитарные условия труда и быта, отсутствие элементарного отдыха подрывали здоровье молодых и взрослых рабочих. Однако правящие круги не принимали серьезных мер для обеспечения трудящихся соответствующей медицинской помощью. На их медицинское обслуживание отпускались минимальные средства. В Богословском горном округе, например, в 1912 г. на одного врача и трех фельдшеров приходилось до 80 тыс. амбулаторных больных в год [38, с. 148], а на Качканарских золотых приисках на 10 тыс. человек было 2 врача, 3 ротных фельдшера, 2 акушерки [43]. По воспоминаниям А. В. Бархатова, на 30-тысячное население Нязепетровского завода «имелась маленькая больничка на четырнадцать коек и небольшая аптечка при ней» [24, с. 17]. Один врач, два фельдшера и одна акушерка составляли весь штат такого медицинского учреждения. По воспоминаниям П. И. Студитова-Парфенова, в больнице Лысьвенского завода «царили грязь и беспорядок, а обращение с больными было настолько грубое и жестокое, что рабочие предпочитали лечиться у себя на дому, не обращаясь в заводскую больницу» [44, с. 20]. Еще хуже ситуация с медицинским обеспечением рабочих обстоит на рудниках и приисках. По воспоминаниям П. П. Ермакова, на рудниках Шувалова «даже какой-нибудь чистой тряпки для перевязки ран не было, не говоря уже о самых необходимых лекарствах. Обычно при тяжелых ранениях рабочие завязывали раны своими же грязными портянками или рубашками. О врачебной помощи и не думали» [45, с. 40]. Естественно, говорить о квалифицированной медицинской помощи в таких условиях не приходилось, и рабочие предпочитали заниматься самолечением в домашних условиях.

Заключение

Если вопрос о численности рабочей молодежи с учетом указанных в статье особенностей требует дополнительных исследований, то в отношении ее положения в системе производства особых разногласий у специалистов нет.

Раннее вовлечение в трудовую деятельность, тяжелейшие условия труда, социальный гнет, политическое бесправие (молодежь была лишена, в частности, права выборов в Государственную Думу, в местные органы самоуправления, рабочих старост) являлись нормой повседневной жизни молодых рабочих. Часть молодых рабочих, несмотря на влияние указанных факторов, оставалась в прежней системе социально-политических координат и не помышляла о выходе из патриархально-подданических отношений. Другая, меньшая часть, с учетом высокой концентрации производства и степени преэминентности поколений уральского пролетариата на горных заводах Урала становилась активным участником революционного движения.

Список источников

1. Правда. 1912. 3 июня.
2. Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. 1883–1917 / под ред. Н. К. Лисовского. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1972. 434 с.
3. Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967. 556 с.
4. Очерки коммунистических организаций Урала. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. Т. 1. 1883–1920. 384 с.
5. Гапоненко Л. С. К вопросу о численности промышленного пролетариата в России накануне Октября // Исторический архив. 1960. № 5. С. 160–165.
6. Адамов В. В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на путях к Октябрю 1917 г. (облик, борьба, гегемония). Одесса : [Б. и.], 1967. С. 160–167.
7. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург : Изд-во УрГУ. 2001. 432 с.

8. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900. М.: Наука, 1985. 302 с.
9. Лескова Л. И. Изменения в численности и социальном составе уральских рабочих в 1910–1914 гг. // Исторические записки. 1960. № 67. С. 256–275.
10. Лисовский Н. К. Некоторые вопросы историографии Октябрьской революции на Урале. // Историография Октябрьской социалистической революции на Урале : тез. межвуз. науч. конф. / редкол.: Н. К. Лисовский (отв. ред.) и др. Челябинск, [Б. и.], 1985. С. 10–18.
11. Гаврилов Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861–1917): Методологические аспекты // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.) : сб. науч. тр. / АН СССР, Урал. отд-ние; [Отв. ред. Д. В. Гаврилов]. Свердловск : УрО АН СССР, 1991, С. 42–96.
12. Ольховая Л. В. К вопросу о положении рабочих в мелкой промышленности горнозаводского Урала. 1907–1914 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск. 1964. Вып. 5. С. 57–71.
13. Рафиков И. К. Численность и состав горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1917 г. // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса Урала в переходный период: сб. / отв. ред. В. В. Фельдман. Свердловск : УрО АН СССР, 1988. С. 62–71.
14. Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка : Вып. 1-2 / Центр. воен.-пром. ком. Отд. по обеспечению пром. предприятий рабочим составом. Пг. : тип. П. П. Гершунина, 1916–1917. Вып. 1. 1916. IV, 156, II с., 3 л. карт., граф.: табл.
15. Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России. М. : Мысль, 1965. 445 с.
16. РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 696.
17. РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 291.
18. Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении / Стат. отд-ние Перм. губ. земской управы. Пермь : тип. Губ. зем. управы, 1900. 370 с. разд. паг. ; 26. Прил. к «Сб. Перм. губ. земства».
19. Адамов В. В. Численность и состав горнозаводских рабочих Урала в 1900–1917 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск. 1969. Вып. 9. С. 138–152.
20. Трудовая правда. 1914. 1 июля.
21. Чащин В. А. В суровые годы. Воспоминания старого подпольщика. Свердловск : Кн. изд-во. 1957. 232 с.
22. Невская звезда. 1912. 27 мая.
23. Коковихин М.Н. Миньярское подполье. Челябинск : Кн. изд-во, 1957. 207 с.
24. Бархатов А.В. Повесть минувших дней. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1966. 138 с.
25. Рычкова Г. П. Лысьва. Пермь : Кн. изд-во, 1963, 228 с.
26. Юг Тобола. 1912. 2 сент.
27. Вятская речь. 1910. 28 июля.
28. Заря Поволжья. 1914. № 20. С. 9–11.
29. Голос Приуралья. 1910. 19 июня.
30. Голос Приуралья. 1910. 13 мая.
31. Луч. 1912. 29 декабря.
32. Северная мысль. 1913. 26 ноября.
33. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 801, 803, 804, 808, 817, 821, 823, 827, 829, 832, 834, 836.
34. ГАПО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 384–390, 676–680.
35. ГАПО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 138.
36. Ключкин В. И. Коммуны будущей творцы. Очерки истории Кировской организации ВЛКСМ. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1971. 360 с.
37. Луч. 1912. 28 сент.
38. Буранов Ю. А. Положение рабочих Богословского горного округа в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1969. Вып. 9. С. 141–149.
39. Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927. Вып. I. 134 с.
40. Мызгин И. М. Ни бог, ни царь и не герой. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во. 1979. 276 с.
41. ГАПО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 10.
42. Под красным знаменем. Сборник воспоминаний. Молотов : Кн. изд-во, 1957. 360 с.
43. Голос Приуралья. 1910. 5 сент.
44. Студитов-Парфенов П. И. От стачек к Октябрю. Воспоминания рабочего Лысьвенского завода. М. : Старый большевик, 1935. 134 с.
45. Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск : ОГИЗ, 1947. 166 с.

References

1. *Pravda*, 1912, 3 iyunya. (In Russ.).
2. Ocherki istorii bol'shevistskix organizacij Yuzhnogo Urala. 1883–1917, pod red. N. K Lisovskogo, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1972, 434 p.
3. Pobeda Oktyabr'skoj soczialisticheskoy revolyuczii na Urale, Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1967, 556 p.
4. Ocherki kommunisticheskix organizacij Urala, Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1971. T. 1, 1883–1920, 384 p.
5. Gaponenko L. S. K voprosu o chislennosti promyshlennogo proletariata v Rossii nakanune Oktyabrya, *Istoricheskij arxiv*, 1960, no. 5, pp. 160–165. (In Russ.).
6. Adamov V. V. Rabochie Urala nakanune Oktyabr'skoj revolyuczii, Proletariat Rossii na putyax k Oktyabryu 1917 g. (oblik, bor'ba, gegemoniya), Odessa, [S. n.], 1967, pp. 160–167.
7. Fel'dman M. A. Rabochie krupnoj promyshlennosti Urala v 1914–1941 gg., Ekaterinburg, Izd-vo Ur-GU. 2001, 432 p.
8. Gavrilov D. V. Rabochie Urala v period domonopolisticheskogo kapitalizma. 1861–1900, Moscow, Nauka, 1985, 302 p.
9. Leskova L. I. Izmeneniya v chislennosti i soczial'nom sostave ural'skix rabochix v 1910–1914 gg., *Istoricheskie zapiski*, 1960, no. 67, pp. 256–275. (In Russ.).
10. Lisovskij N. K. Nekotorye voprosy istoriografii Oktyabr'skoj revolyuczii na Urale, *Istoriografiya Oktyabr'skoj soczialisticheskoy revolyuczii na Urale : tez. mezhvuz. nauch. konf., redkol. N. K. Lisovskij (otv. red.) i dr.*, Chelyabinsk, [S. n.], 1985, pp. 10–18.
11. Gavrilov D. V. Soczial'no-èkonomicheskaya struktura gornozavodskoj promyshlennosti Urala v peri-od kapitalizma (1861–1917): Metodologicheskie aspekty, *Promyshlennost' i rabochie Urala v period kapitalizma (1861-1917 gg.) : sb. nauch. tr., AN SSSR, Ural. otd-nie; otv. red. D. V. Gavrilov, Sverdlovsk, UrO AN SSSR, 1991, pp. 42–96.*
12. Ol'xovaya L. V. K voprosu o polozhenii rabochix v melkoj promyshlennosti gornozavodskogo Urala. 1907–1914 gg., *Voprosy istorii Urala*, Sverdlovsk, 1964, vol. 5, pp. 57–71. (In Russ.).
13. Rafikov I. K. Chislennost' i sostav gornozavodskoj i fabrichno-zavodskoj promyshlennosti Urala v 1917 g., Aktual'nye voprosy razvitiya promyshlennosti i rabocheho klassa Urala v perexodnyj period: sb. / otv. red. V. V. Fel'dman, Sverdlovsk, UrO AN SSSR, 1988, pp. 62–71.
14. Materialy k uchetu rabocheho sostava i rabocheho rynka : vol. 1-2 / Czentr. voen.-prom. kom. Otd. po obespecheniyu prom. predpriyatij rabochim sostavom, Petrograd, tip. P. P. Gershunina, 1916–1917, vol. 1, 1916, IV, 156, II p., 3 l. kart., graf.: tabl.
15. Aczarkin A. N. Zhizn' i bor'ba rabochej molodezhi v Rossii, Moscow, Mysl', 1965, 445 p.
16. RGIA, coll. 37, aids 58, fol. 696.
17. RGIA, coll. 37, aids. 75, fol. 291.
18. Materialy k vyyasneniyu voprosa ob obespechenii gornorabocheho naseleniya Permskoj gubernii v prodo- vol'stvennom otnoshenii, Stat. otd-nie Perm. gub. zemskoj upravly, Perm, tip. Gub. zem. upravly, 1900, 370 p. razd. pag.; 26. Pril. k "Sb. Perm. gub. zemstvo".
19. Adamov V. V. Chislennost' i sostav gornozavodskix rabochix Urala v 1900–1917 gg., *Voprosy istorii Urala*, Sverdlovsk, 1969, vol. 9, pp. 138–152. (In Russ.).
20. *Trudovaya Pravda*, 1914, 1 iyulya. (In Russ.).
21. Chashhin V. A. V surovye gody. Vospominaniya starogo podpol'shika, Sverdlovsk, Kn. izd-vo, 1957, 232 p.
22. *Nevskaya Zvezda*, 1912, 27 maya. (In Russ.).
23. Kokovixin M. N. Min'yarskoe podpol'e, Chelyabinsk, Kn. izd-vo, 1957, 207 p.
24. Barxatov A. V. Povest' minuvshix dnei, Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1966. 138 p.
25. Rychkova G. P. Lys'va, Perm, Kn. izd-vo, 1963, 228 p.
26. *Yug Tobola*, 1912, 2 sent. (In Russ.).
27. *Vyatskaya rech'*, 1910, 28 iyulya. (In Russ.).
28. *Zarya Povolzh'ya*, 191, no. 20, pp. 9–11. (In Russ.).
29. *Golos Priural'ya*, 1910, 19 iyunya. (In Russ.).
30. *Golos Priural'ya*, 1910, 13 maya. (In Russ.).
31. *Luch*, 1912, 29 dekabrya. (In Russ.).
32. *Severnaya mysl'*, 1913, 26 noyabrya. (In Russ.).
33. GAKO, coll. 566, aids 1, fol. 801, 803, 804, 808, 817, 821, 823, 827, 829, 832, 834, 836.
34. GAPO, coll. 209, aids 1, fol. 384–390, 676–680.
35. GAPO, coll. 174, aids 1, fol. 138.
36. Klyukin V. I. Kommuny budushhej tvorczy. Ocherki istorii Kirovskoj organizaczii VLKSM, Kirov, Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo, 1971, 360 p.

37. *Luch*, 1912, 28 sent. (In Russ.).
38. Buranov Yu. A. Polozhenie rabochix Bogoslovskogo gornogo okruga v koncze XIX – nachale XX vv., *Voprosy istorii Urala*, Sverdlovsk, 1969, vol. 9, pp. 141–149.
39. *Projdennyj put`*. K istorii bor`by za diktaturu proletariata v Priural'e, Ufa, 1927, vol. I, 134 p.
40. Myzgin I. M. Ni bog, ni czar` i ne geroj, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1979, 276 p.
41. GAPO, coll. 732, aids 1, fol. 10.
42. *Pod krasnym znamenem*. Sbornik vospominanij, Molotov, Kn. izd-vo, 1957, 360 p.
43. *Golos Priural'ya*, 1910, 5 sent. (In Russ.).
44. Studitov-Parfenov P. I. Ot stachek k Oktyabryu. *Vospominaniya rabocheho Lys`venskogo zavoda*, Moscow, Staryj bol'shevik, 1935, 134 p.
45. Ermakov P. P. *Vospominaniya gornorabocheho*, Sverdlovsk, OGIZ, 1947, 166 p.
-

Информация об авторе

Коробков Ю. Д. – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Korobkov Yu. D. – Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of World History, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024;
принята к публикации 04.10.2024.*

*The article was submitted 24.08.2024; approved after reviewing 20.09.2024;
accepted for publication 04.10.2024.*
